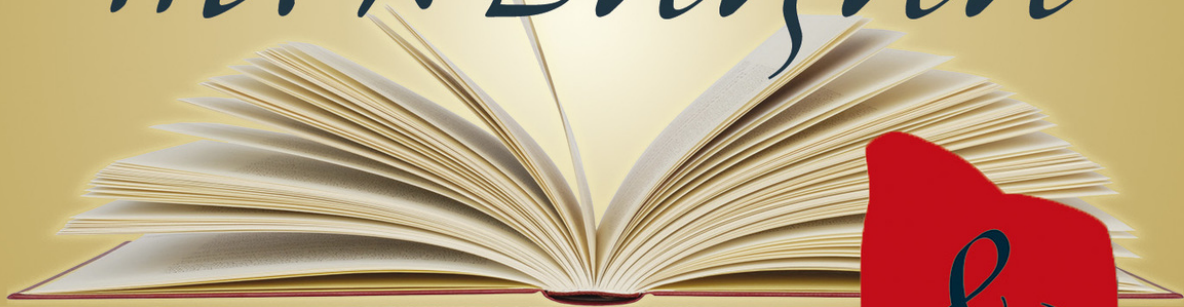

МРАДУУУИ

&

АВАНТ-АРД

№1

Коллектив авторов

Традиции & авангард. Выпуск № 1

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 82-822
ББК 94.3

Коллектив авторов

Традиции & авангард. Выпуск № 1 / Коллектив авторов — «ИП Березина Г.Н.», 2019

ISBN 978-5-906957-89-4

Представляем читателям первый номер журнала «ТРАДИЦИИ & АВАНГАРД». Почему «традиции»? Потому что ничто не может существовать без стабильной основы, иначе – хаос. Почему «авангард»? Потому что жизнь – в движении, а движение порождается смелой мыслью, несогласием. Отсутствие перемен – это застой и неизбежная гибель. Стихи и проза, публицистическая и художественная литература, классические формы и поиск нового, словом, «Традиции & авангард».

УДК 82-822

ББК 94.3

ISBN 978-5-906957-89-4

© Коллектив авторов, 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Предисловие. Роман Сенчин	6
Рискнём	6
Проза, поэзия	8
Андрей Игнатьев	8
Загадай желание	8
Алина Витухновская	13
Палите политику!	13
Арест Щ	13
Механизмы. Алюминий	14
В «Англетэр»	15
Палите политику!	15
Дарья Верясова	17
Осколки	17
Донбасская проза	17
Дорога	18
Первый день	19
Причастие	20
Музейный день	22
Саур-могила	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Традиции и авангард. Выпуск № 1

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Предисловие. Роман Сенчин

Рискнём

Уже много лет – с постперестроечных времен – раздаются голоса, что литературные журналы никому не нужны и не интересны, это некий атавизм и анахронизм, что их вообще нужно закрыть.

«Посмотрите на микроскопические тиражи, на практически нулевой резонанс, на эту допотопную вёрстку, на возмутительно редкую периодичность – раз в месяц! – в век Интернета».

Журналы теряют не только читателей, но и авторов, предпочитающих издательства с их быстротой выпуска в свет отдельных книг и коллективных сборников, более или менее ощутимыми гонорарами.

Литературные журналы погибают, это очевидно.

В такой атмосфере появление нового литературного журнала можно считать безумием. Но мы рискнем.

Этот безумный поступок имеет, как нам кажется, вполне здравые мотивы.

Во-первых, движение русской литературы со времен Сумарокова, Фонвизина, Новикова определялось литературными журналами. Так происходит и сегодня.

Абсолютное большинство ныне известных писателей дебютировало именно в журналах, только там можно найти большие обзорные и аналитические статьи о современной литературе. «Журнал» в переводе с французского – «дневник». Литературный журнал – это дневник происходящего в нашей словесности.

Можно возразить, что настоящие дневники – это ежедневные интернет-издания. Но они своего рода ворох отдельных листов, в которых почти невозможно ничего понять, разобраться. Дневник – это все-таки некая последовательность, своего рода книга. Недаром раньше каждый номер журнала называли «книжкой».

Во-вторых, форма литературного журнала очень удобна для читателя. Под одной обложкой можно найти и прозу, и поэзию, и критику, публицистику, эссе, а порой и драматические произведения. Срез всех родов литературы.

Редакция или единоличный редактор сами выбирают тех авторов и те произведения, какие хотят показать читающей публике. Поэтому у каждого литературного журнала своя физиономия.

Уже приходилось слышать, что «Традиции & Авангард» – банальное название. Может быть. Зато честное. Мы хотим, чтобы на страницах журнала соседствовали и традиционалисты, и авангардисты, авторы разных школ, направлений и идеологических (а в литературе без этого никак) убеждений.

Хочется написать – «главным критерием отбора является талант». Да, это так. Но жизнь показывает, что вкусы у всех различны, критериев талантливых и неталантливых авторов, слабых и сильных произведений не существует. Так что вполне допускаем: не все тексты, опубликованные в нашем журнале, придутся по душе даже отдельно взятому читателю. Впрочем, гримаса неудовольствия – это тоже эмоция, а значит, работа наша может считаться бессмысленной.

В-третьих, и этот мотив, наверное, самый спорный в плане здравости, – мы надеемся, что наш журнал будут читать не тысячи людей, как большинство наших старших по возрасту товарищей, а сотни тысяч людей. Что номера будут расхватывать с прилавков, а публикации обсуждать до хрипоты на улице, в СМИ и пресловутом Интернете.

Надежда укрепляет нас, поэтому – рискнем.

Проза, поэзия

Андрей Игнатъев

Андрей Игнатъев родился в 1985 году в городе Устинове (ныне Ижевск). Окончил Ижевский государственный технический университет. Участник Форума молодых писателей «Липки», публиковался в сборниках «Новые писатели», стипендиат Министерства культуры РФ, лонг-листер Волошинского литературного конкурса (2017 год, номинация «Проза»). Живет в Снежинске Челябинской области.

Загадай желание

В шерстяных носках на колготки, в свитере с длинной шеей, Витя сидел на старом ковре и смотрел телевизор. В сенях хлопнули двери, и через секунду, впустив внутрь волну уличной прохлады, в дом вошла бабушка.

– Витя! Витя! – крикнула она с порога.

Витя, который уткнулся в телевизор, разве что не доставал его носом, встрепенулся, бросил на бабушку разбойничий взгляд и, предугадав дальнейшее, стал поспешно отползать от тумбы.

– Не смотри так близко, – громко сказала бабушка, – зрение испортишь! И не сиди на полу, там дует!

– Мне не дует, – тихо ответил Витя, однако послушно забрался на диван, устроился на самом краю и снова жадно впился в телевизор.

– В школу вот-вот, а все мультики на уме... – пробурчала бабушка.

В доме на самом деле было ничуть не холодно, даже жарко. От теплой одежды, от растопленного котла в дальнем углу и от разыгравшегося весеннего солнца, заглядывающего через окна. Попадешь в ярко-желтые языки и сразу чувствуешь, как припекает.

Краем глаза Витя видел: бабушка скинула валенки, а дальше, не раздеваясь, быстрым шагом пересекла комнату. Постояла у котла: усердное «ф-ф-ф» сменилось отчаянным «ш-ш-ш». Подошла к плите, сняла бурлящее ведро, с верхом наполненное мелкими клубнями, и потащила к дверям. Несла тяжело, склонившись набок, чуть расплескивая по дороге... У дедушки выходило иначе. Он стремительно, на лету будто, подхватывал ведро с картошкой и, совершенно не ощущая ноши, в три шага оказывался за порогом.

Витя покосился в сторону двери. На стене не висит привычная стеганая фуфайка, вместо меховой шапки посверкивает голый крючок. Но и во дворе не слышится трель циркулярной пилы, постукивание молотка или удары колуна, звонко разбивающего тюльку...

Бабушка остановилась. Не отпуская ведра, попала ногами в валенки, толкнула дверь, сказала:

– На улицу бы сходил, воздухом подышал.

Вышла.

Витя завороченно глядел в телевизор, то посмеивался, то становился настороженным и серьезным. Был так увлечен, будто это он сам находится по ту сторону экрана: вот играет в мяч, вот вступает за обиженного мальчугана, вот находит потерянную игрушку, а вот погоня и он, мчась за злодеем, не раздумывая сигает в воду. Так продолжалось, пока откуда-то из глубины не выплыли одна за другой белые буйки-буквы: **конец**.

Эх... Витя посмотрел по сторонам и прислушался. Бабушки не было. Он поднялся с дивана и подошел к окну: на улице солнечно, тонкий снег во дворе почти просвечивает, с крыш капает вода. На заборе сидели две синицы, одна чистила перья клювом, вторая юрко вертела головой. Грэг – крупный пес, беспородный, но больше, конечно, овчарка – ходил вокруг будки и беззлобно лаял в пустоту. С его боков свисали выцветшие клочья шерсти.

Заметив Витю, он остановился, забарабанил по будке хвостом и нетерпеливо заскулил. Витя бы и рад отпустить Грэга – пусть бегаёт, пусть играет, – но разве бабушка позволит? Он отвел глаза. Вдруг заметил: в углу подоконника закопошилось маленькое черное пятнышко. Витя пригляделся – муха! Похоже, только что вылезла из какой-то щели в оконной раме, из своей зимней берлоги. Первая весенняя муха! Ее движения были медленными и склеенными, еще совсем сонная, она неловко дергала лапками, пытаясь расшевелиться, стряхнуть сон. Не было в ней и намека на обычную летнюю расторопность.

Витей овладело любопытство. Он медленно поднес палец. Муха не улетала. Она замерла. Бережно, боясь повредить тонкие, как корочка льда, крылья, Витя взял насекомое и положил на ладонь. Большие сетчатые глаза растерянно глядели во все стороны сразу. Скрученный хоботок казался мягким и безобидным, неспособным вонзиться в кожу, тянуть кровь. Витя осторожно выдохнул теплом. Еще. Муха дрыгнула лапкой, осмелела, забегала по ладони. Попробовала крылья: ж-ж-ж, ж-ж-ж. Добежала на край: ж-ж-ж, ж-ж-ж...

Ж-ж-ж, ж-ж-ж, пф-пф. Темно. Утро. Витя с бабушкой стоят на улице. Дед пытается завести машину. Ж-ж, пф-пф. Только что она тарахтела, теперь молчит. Середина зимы, настоящая стужа. Усы деда покрылись инеем. Иней, кажется, и в носу Вити, пробирается все глубже при каждом вдохе. Витя и дедушка в городском. Дедушка в меховой шапке и дубленке. Широкой, тяжелой, он в ней еще больше, еще... сильнее. Понедельник. Вите нужно в садик.

Под капотом слышится металлическое дребезжание, оно стихает, потом снова слышится.

– Ничего не понимаю, – говорит дед, выходя из машины, – неужели аккумулятор? Свечи?

От суеты шапка съехала набок, и видно, как по черным вискам вверх ползут первые седые нити. Или... тоже иней? Дед открывает капот, скидывает рукавицы. Он погружает голые руки в холодное нутро автомобиля.

– Потопай ножками, – говорит бабушка, – потопай, – и легонько толкает Витю в спину. – Может, мы пока в дом?

– Сейчас, – бормочет дед, – сейчас. Подождите.

Они ждут. Дед снова садится за руль, пробует завести. Неуверенное цоканье сменяется глухими хлопками. Они переходят в сытое, довольное урчание. Хвостом треплется густой белый дым.

– Ну всё! – говорит дед торжественно, подходит к капоту, натягивает рукавицы. – По коням!

Бабушка открывает заднюю дверь. Витя садится. Спиной, сквозь пуховик, чувствует холод сиденья.

– Вот так, Витька, – устроившись за рулем, весело произносит дед, – терпение и труд все перетрут!

Он оборачивается. Улыбается Вите ласково и длинно.

Витька молчит. Он шмыгает носом и шевелит коченеющими пальцами в ботинках. Труд ему понятен. А терпение? Зачем нужно терпеть – братья голыми руками за лед металла? Этот ребус ему не дается. Он смотрит на окно, стаскивает варежку и прикладывает ладонь к заиндевелому стеклу...

От тепла крылья оттаяли. Муха сделала еще несколько шажков и взлетела. Медленно, тяжело, шумно. Витя долго следил за ней, за маленьким черным вертолетиком, пока тот, набрав высоту, забравшись под самый потолок, вдруг не исчез. Витя прошелся, задрав голову, – пусто. Будто испарилась. Ну вот... Оттаивал тебя, а ты...

Он сел на стул, надел болоньевые штаны, шарф, шапку, куртку. Снял с батареи валенки, сам натянул на них калоши и вышел во двор. Увидев Витю, Грэг отчаянно зашелся лаем, рванул вперед, вскочив на задние лапы, цепь поднялась, зазвенела, и ошейник утонул в шерсти. Синички, принявшиеся хозяйничать в миске пса, переполошились, вспорхнули и с писком вылетели за ворота.

Витя крикнул:

– Фу! Фу!

И Грэг нехотя замолк. Опустился на снег, грустно положил голову на передние лапы и опять заскулил, продолжая возбужденно мотать хвостом, высунув язык, алый-алый.

Снега во дворе было мало, и сырой, почти вода, но слепить снежки можно: нужно сгрести кашлицу со дна телеги, со скамьи, есть чем разжиться у сложенных длинных досок, у сваленных близ амбара железных листов. Но Витя еще осенью продрал там куртку, и бабушка строго-настрого запретила играть рядом. Пять небольших комков – все, что удалось заготовить – Витя выстроил аккуратным рядком на очищенной от снега скамье. Наметил цель – на белой стене дома угол окаймленного красным окна, откуда, ломая кирпич, бежит еле заметная трещинка. Первый снежок угодил сильно влево, наполовину рассыпался, а уцелевшей частью прилип к кирпичу, и вокруг него образовалось темное пятно воды. Второй выстрел удался бы лучше, но в последний момент рука подвела, и комок завалился. Третий ком, наконец, перекрыл два цвета.

– Да! – вырвалось у Вити.

Но четвертый выстрел едва не угодил в стекло, и Витя понял: нужна другая мишень, попадет в окно – крику будет!

Крику стало и без этого.

– Витя! – бабушка возникла за спиной неожиданно и громко. – Ты чего делаешь? Намокнешь весь! Посмотри – варежки уже сырые!

Витя повернул варежки ладонями к себе. Они и вправду были темными, сырыми. Спешно завел руки за спину.

– Быстро в дом! Варежки меняй, пойдем до магазина, к чаю чего-нибудь купим.

– Хорошо! – обрадовался Витя.

Асфальтовая дорога дугой огибала деревню. Небольшой магазинчик стоял минутах в двадцати ходьбы по направлению в город, почти на перекрестке с шоссе. Поставили, наверно,

с расчетом на то, что у оживленной трассы торговля пойдет бойчее. Туда Витя всегда шел с подъемом – озорно и радостно. Но на обратном пути задор угасал, и к концу Витя уставал почестному, плелся понурый, думая: скорее бы дом.

Они шли по узкому асфальту. Витя звучно шлепал калошами в слякоть. Брызги воды подлетали вверх и повисали на валенках россыпью мутных капель. Снег вдоль дороги осел и стал серым. Деревья тоже почернели, они вобрали в себя влаги и выглядели потяжелевшими. В щербинах асфальта попадались небольшие лужицы. Вите очень хотелось шлепнуть и по ним, но бабушка, как будто зная наперед его мысли, крепко сжимала Витину руку и тянула в сторону. «Эх...» – вздыхал он про себя. Так же поступала бабушка, когда по дороге проезжали автомобили. Услышав их приближение со спины, она останавливалась, сильнее стискивала Витину руку и оттягивала к обочине, загораживая собой. В силе ее был страх, и Витя безропотно повиновался. И только с любопытством ждал: грузовая, легковая? Ждал, когда выскочит, громыхая металлом, и пронесётся, вздымая крылья водно-снежного месива, очередная забросанная грязью машина. Вите нравились грузовые. Они шли медленно. И под могучим кузовом можно было разглядеть рычаги, пружины, детали...

– Куда летят? Как будто не видят, – все повторяла бабушка сердито.

За последнее время она очень изменилась. Витя часто слышал, как его бабушку называют молодой, но теперь она как-то резко постарела: ссутулилась, сжалась, лицо сделалось сухим, невеселым. Витя помнил выходные, когда увидел эту перемену, быструю, как будто в книжке перевернулись страницы. Несколько дней мама последним забирала его из детского сада. Потом она сказала, что дедушка сильно заболел и навсегда отправился на небо. Когда они приехали в деревню, бабушка стояла у калитки одна. Закутанная в черный платок, зябкая, тихая, другая.

– Бабушка, ты такая грустная, потому что дедушка умер? – спросил Витя.

Но бабушка ничего не ответила. Погладила Витю по голове, а потом горько сжала губы. Витя никак не мог понять, что это значит – дедушки больше не будет. Казалось, зайдет во двор и обязательно встретит деда, занятого каким-то делом. Витя заглядывал в дом, ходил в сад, отворял тяжелые огородные ворота – и за каждой дверью ждал этой встречи. Но дедушки и вправду нигде не было...

Впереди показался магазин. Бабушка, как будто вспомнив, спросила:

– Тебе на день рождения-то что подарить? Выбрал?

– Нет еще, – ответил Витя.

– Еще? Смотри – потом купить не успеем, останешься без подарка! Витя промолчал.

– Слышишь?

– Угу, – пробормотал Витя.

– Угу.

В магазине посетителей не было. Продавщица – полная женщина с пухлыми пунцовыми щеками и заплывшими блестящими глазками, в вязаной жилетке поверх синего фартука и чепце на рыжих, как луковая шелуха, волосах – стояла, облокотившись на прилавок.

– Здравствуй, Валя, – поздоровалась бабушка.

– Здравствуй, Лида, – ответила женщина.

Бабушка осмотрелась кругом.

– Хлеба одну буханку, пожалуйста, дай, – сказала она.

Продавщица выпрямилась и шаркающей походкой медленно переплыла к деревянному поддону, где были разложены буханки и батоны, хранившие – Витя чувствовал это – сладкий аромат лета, запеченный в румяной хрустящей корочке. Колосающиеся пшеничные поля, теплый ласковый ветер, пахнущие железом качели, спелые нетерпеливые ягоды, стрекотание кузнечиков в зеленой траве, внезапно потемневший день, вспышки молний вдали и первые раскаты грома...

– Как живешь, Лида? – спросила женщина – луковые волосы, уложив буханку в прозрачный пакет.

– Какая у меня жизнь? Живу тихонько, – ответила бабушка.

– Тяжело одной?

– А не одна, внука привозят по выходным, вот и живу пока. Пряники свежие? – Свежие.

– Взвесь полкило.

– Мать-то где? – спросила женщина, кивком указав на Витю. – В городе.

– Чего ей там? – большой совок нырнул в рогожу, зачерпнул пряников и пересыпал в бумажный кулек.

– Работает.

– Уработались...

– Семейку-то надо кормить.

– Как внука-то зовут, не помню?

– Витя, – ответила бабушка.

– Витя, – повторила женщина.

Перегнулась через прилавок, приблизив к Вите свое лицо, спросила:

– Сколько уже лет, Витюш?

Потянуло запахом ванилина и луковой шелухи. – Шесть почти, – стараясь меньше дышать, ответил Витя.

– У-у-у, – выдули трубочки-губы, две сморщенные яблочные кожурки, – большой уже, скоро в школу!

– Не скоро, – возразил Витя, – я в следующем году пойду, в этом не успеваю.

Губы растянулись в улыбку:

– Время быстро пролетит, оглянуться не успеешь! – женщина пристально взглянула на Витю и вкрадчиво, будто выведывая тайну, спросила: – Вырастешь – упорхнешь от бабушки, как мамка?

– Нет, – процедил Витя.

– Все так говорят, пока маленькие. А вырастут – ищи-свищи.

– А тебя, Валь, чего давно не было? – спросила бабушка.

Женщина взбила белый чепец.

– А! – сказала она, отмахнувшись. – В городе работала. Зарплата вроде больше, да пока наездишься... Лучше уж тут, у своих.

Они шагали домой. Шли молча, бабушка печально-задумчивая, погруженная в мысли. Обычно Витю тревожила эта неуютная тишина, но теперь он совсем не грустил, задумывая свою мечту, сладкую, как медовый пряник.

Что скоро наступит день рожденья, на праздничный стол принесут торт. Он будет стоять перед Витей и подмигивать семью огоньками. Витя наберет щеками воздух и задует все свечи одну за другой. Потом закроет глаза и тихо-тихо прошепчет: «Хочу, чтобы дедушка вернулся. А пока потерпи, бабушка, потерпи еще чуть-чуть...»

Алина Витухновская

Алина Витухновская родилась 1973 году в Москве. Публикуется с 1993 года, автор нескольких книг стихов и прозы, в том числе «Аномализм», «Детская книга мёртвых», «Последняя старуха-процентщица русской литературы», «Чёрная икона русской литературы», «Мир как воля и преступление», «Человек с синдромом дна». Стихи и статьи печатались в «Арионе», «Птюче», «Новом мире», «Октябре», «Комсомольской правде», «Литературной России» и других изданиях.

В 1996 году награждена литературной стипендией Альфреда Топфера (Германия). Координатор движения «Республиканская альтернатива». В июле 2016 года заявила о своём желании выдвинуть свою кандидатуру на президентские выборы 2018 года. Живет в Москве.

Палите политику!

Арест Щ

Криками «зарублю!» мысля тихонько,
Сырыми потел плавниками ладоней.
Желтыми глазами, всматриваясь с подоконника,
Кактусы накручивались на комнату.

Из кармана топорик топорщился ржавенько –
Сам он ночью вылез.
Руки, держа его, не разжимались,
Остановиться силась.

Сосед, как ангел кальмара, нежен слякотно.
Размахнулся на шею спящего.
Белая голова по комнаты кляксе
Катилась, словно ненастоящая.

Мертвеца, как глупую куклу, к санкам
Привязав, бежит, сугробами дрыгаясь.
Снега тюлень молчит, раскарябанный,
Крови расцветая гвоздиками.

Трясущийся кончиком лопаты,
Ямой раздырил мерзль мозолистой тверди.
В пустоту разинувшуюся падают
Два куска человека.

Простуженный, опережая утро,
Врывается в дом, ледяной и потный.
Часами ужасы влезали в минуты.
Бледнело расцветом комнат животное.

Вошли кособоко. Шалили обыском.
Голый вопящий схватил пиджак.
Спешил бездумно и босиком.
Огромный рукавами формы его держал.

Пишущая машинка тряслась под щупальцами.
Секретарша любила пытки допросов.
За окном навсегда исчезала улица.
Деревья желались, как отобранные папиросы.

Механизмы. Алюминий

Не минуй нас, алюминий.
Алюминий, аллилуйя!
Поименно не минуй нас,
Минусуй нас, обними нас.

Мы немые, мы иные.
Что нас в мнимость заманили?
Извини нас, измени нас!
Алюминий, мы изнылись.

Все пути ведут из Рима.
Все бредут по ним, как тени.
Все пути проводят мимо
Непременно, непременно.

Алюминий, ямы умны.
Яви мнимы. Новы мины.
Вены рваны. Ночи лунны.
Отрави нас, алюминий!

Номера умерших милых
Повторяют телефоны.
Как в пластмассовых могилах
Нам мерещатся их стоны.

Износилай! Силы ныне
Износились, расслоились.
Если ты не в небеси,
То над ними, алюминий.

Надо – к бесу уноси нас.
Алюминий, аллилуйя!
Анонимности взыскуем.
Обнули нас, алюминий!

В «Англетэр»

Вы, извращенцы хороших манер,
Вы, развиватели интеллекта.
Выстройтесь в очередь к пистолету
В роли туристов в «Англетер».

Вы в идеально чистом белье.
Вас встретит эсэсовская мягкость 60-х.
Вас приглашает Ночной Портъе
В камеры и палаты.

Вам предложат изведать тоталитарный садизм,
Чувство при близости пистолета,
Искусство (в частности, концептуализм)
И тайну смерти русского поэта.

Палите политику!

Динамо-майданила дама фемина.
Видна в агитпроповской некрофилии,
Как некроОфелия в РАФе Орфеевском,
Что в пропасть гляделась с оскалом фелиневским.

Финалом тотальных «Восьми с половиной» –
Фаллический символ, художник Павленский.

Но ловкость Павловского неуловима –
Политво-молитва советским-освенцимским

От антисоветского, от интеллигентного,
От антиосвенцима, от либерального,
Поет политолог нам песенку детскую,
Как в тех детективах, где предкриминальное

По некой традиции сопровождается
Считалкой, таящей проклятье магической
Силы. И политология так изъясняется
На грани баюкающего и трагического.

Здесь все патология и политология.
Павловкость – есть ловкости слов антилогика.
Нулей антисмыслов твори аналитику.
Палиттепалитепалитеполитику!

Я липкой палитры вдыхаю эстетику.
Я сюрреализм политической наглости.
Я мертвый Дали в киче русской эклектики,
Измучен любовью к влагалищу Галлы.

В России иметь – есть по сути политика.
А все остальное – бесплодная лирика.
Россия как женщина обезличена.
В ней нету движения. В ней только картина.

Но знайте, любители мглы и Вальгаллы,
Они нелегальны, те русские Галлы.

Концептуалица под коксом издерганы.
Поэзия льется как нефть на кабаеву.
Мы все персонажи, мы тайные Тёрнеры,
Мы ищем добра от О'Брайена с Байроном.

Дарья Верясова

Дарья Верясова родилась в Норильске в 1985 году. Подростком переехала с родителями в Абакан. Училась в Красноярском государственном университете на социально-правовом факультете и на факультете филологии и журналистики. Окончила Литературный институт.

Публиковалась в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Волга», альманахах «Новый Енисейский литератор», «Пятью пять», «Илья», газете «Заполярная правда»... В 2012 году принимала участие в ликвидации последствий наводнения в Крымске, в результате чего написала документальную повесть «Муляка». В декабре 2013 и феврале 2014 ездила в Киев, а в 2017 году в Донбасс «для того, чтобы собственными глазами увидеть и оценить происходящее».

В 2016 году стала лауреатом литературной премии фонда В. П. Астафьева в номинации «Проза» за повесть «Похмелье».

Осколки

Донбасская проза

- А ты с кем-то едешь?
- Ох, дорогая! Было бы мне с кем ехать – я бы дома сидела!
- Береги себя! И ноги свои прекрасные береги! – Я постараюсь. Мои ноги особенно хорошо смотрятся в паре.
- Как думаешь, зонтик брать?
- Даша, ёшкин кот! Бронежилет бери!
- Угу, выкладываю...

Дорога

Проехали Елец.

Водитель из Макеевки, попутчик из Енакиево.

Мне удаётся прекрасно отмалчиваться на заднем сиденье в обнимку с зимней резиной, которую водитель везёт домой из Москвы.

На границе, говорят, столпотворение, планируем туда попасть к двум часам ночи.

Деревья с одной стороны трассы голые, а с другой – рыжие и пышные. Воздух дальних странствий убаюкивает, и почти всю дорогу я сплю безмятежным сном.

Границу прошли за двадцать минут в Успенке.

– Вывеску сменили, – сказал водитель. – Раньше висела без последней буквы, простреленная вся, позорище такое.

– Простреленная?

– Из автомата.

На улице ветер сбивает с ног. Жёлтый месяц лежит на боку, звёзды. Никакого зарева вдали. Спросонья трясусь.

– Мне надо квиток какой-то заполнять на проезд?

– Нет, россиянам только паспорт нужен.

Необжитая таможня похожа на старую автозаправку. Дээнэровская девушка в каэспешной ветровке, сидя в деревянной будочке, пролиставла мой паспорт и кивнула, мол, свободна. Машин практически нет.

Встали до пяти на стоянку неподалёку от каменных звёзд-волнорезов, какими укрепляют морские берега. Здесь, вероятно, их использовали вместо заградительных «ежей». Комендантский час по всей Новороссии, пешеходам и машинам путь закрыт. Я сплю, попутчики смотрят «Комеди-клуб» на планшете.

Ровно в пять вырливаем на трассу.

– А вот тут стоял блокпост, – говорит водитель, – и здесь большой стоял. Палатки, заграждения, мешки с песком. Бомжи с автоматами.

– Почему – бомжи?

– А какой идиот согласится стоять на улице круглые сутки? Это потом, когда ополчение набрали, поставили нормальных, а сначала бомжам да алкашам автоматы выдали, их вообще всем тогда выдавали, народ понабрал, прикопал... Тут же у каждого второго автомат. А бомжи те напьются к ночи, давай в воздух палить...

«Живут же люди...» – думаю со странной смесью страха и уважения.

– Дороги как отремонтировали после танков! А то яма на яме была. Хоть Самару возьми – там теперь дороги хуже, чем здесь. Вот налево, смотри, ночной клуб «Шоколад», рядом бильярд и боулинг. Популярные места. И под обстрелами работали. Я туда заезжал обедать. Правда, тут обстрелов и не было почти.

Мы проезжаем Макеевку.

– А сейчас блокпостов не осталось?

– Сняли почти год назад. Р-р-раз – и ни одного. Да и зачем они нужны? Ни досмотра толком не было, ни проверки документов. Только движение задерживали.

В квартире, где меня приютили, уже поменяли стёкла, но балконные, мелко потрескавшиеся, ещё заклеены листами полиэтилена. Жёлтый ларёк под окнами сильно пострадал от обстрелов и теперь закрыт. Дом напротив ремонтируется. Дворец молодёжи «Юность» тоже остался без стёкол и теперь затянут парусиной, но люди там не прекращали работать даже в 14-м году.

В Донецке сейчас тихо, но, говорят, ночью обстреливали Луганск и довели его едва не до эвакуации.

Первый день

В десять утра мы с Мариной, у которой я остановилась, сели на трамвай № 1 и отправились в макеевскую школу развлекать второклашек детскими стихами и сказками.

Перед выходом я поняла, что потеряла шапку, и Марина выдала мне свою, которая постоянно сползает на затылок, оголяя уши.

Полноценный трамвайный путь только недавно восстановили, прежде рельсы были разбомблены, и трёхрублёвый трамвай ходил по укороченному маршруту. Мы ехали мимо громоздкого дома культуры «Юность», что под ветром хлопал парусиной, обнажая тёмные провалы второго этажа, а над входом красовался призыв-растяжка: «МЫ РАБОТАЕМ!» со смайликом. Мимо оскаленного ряда разбитых тёмных ларьков с надписью: «ПРОДАМ ДЁШЕВО». Мимо светлых фасадов с тёмными пятнами обстрелов. Мимо целёхонькой шайбы «Донбасс-арены» с красивыми лицами футболистов на бесконечном фасаде.

Потом прошли через рынок и сели на маршрутку. Но уже за 15 российских рублей с носа. Да, тут наша валюта.

– А вон то здание горело ещё до войны, – показала Марина.

Сидящая рядом тётя возмутилась:

– Как это – до войны?! Уже всё началось!

– Это в Славянске началось, а у нас тихо было.

Здание то ли подожгли, то ли взорвали.

– Правильно – Славянск? – удивилась я.

– Да, а ещё Снежное. По такому ударению легко узнать местных.

А вот там сгорела семья в машине, теперь на этом месте крест. А вот туда прилетел снаряд, вход и окна в здание заложили кирпичами. А на берегу реки, в этом лесном массиве, много площадок для отдыха. А это ТЮЗ, он работал во время войны, вообще все театры работали, актёры прямо в них жили, потому что домой далеко, к тому же под обстрелом, вот и бегали за кулисами с кастрюльками. Зрительные залы были битком набиты. Снаружи дикие обстрелы, всё сотрясается, а мы внутри сидим и смотрим конкурс творчества детей из Иловайска, Горловки... А на спектакль билеты добывать надо, просто так не купишь. Нет, конкретно этот микрорайон не обстреливался, но вообще сюда прилетало.

На улице холодно, и в школе не жарко. Указатель «Убежище» развешан по всем лестницам и коридорам. Он ведёт в бесконечный подвал со множеством раскладушек, запасом питьевой воды в бочке и технической – в запаянной вагонетке.

– А туалет? – интересуюсь.

– А наверху, прямо возле входа! – безмятежно отвечает завхоз.

– Мы же сюда не надолго спускаемся, – подтвердила библиотекарь, – обстрелы быстро кончаются, да и нет их сейчас. Это в прошлом году по три раза за день – малышей хватать и бежишь вниз. Недавно учения проводили, отрепетировали всё до мелочей. Пойдёмте, уже пора.

Мы проходим в зал. Сегодня посвящение второклашек в читатели библиотеки. Дети нарядные, с блестящими глазами. Сначала мы читаем им стихи, потом они нам. Хорошо, кстати, читают, без вселенского надрыва.

Потом мы удираем на другой литературный вечер – Марина должна читать в торговом институте. Здесь просто аншлаг: парни и девочки – человек сорок – слушают стихи изо всех сил напрягая внимание. В зал то и дело прокрадываются новые фигуры и осторожно присаживаются на свободные стулья.

К середине дня растеплилось, и когда мы снова выходим на улицу, я не надеваю шапку. Всё равно сползёт.

Говорят, снова начинается обострение – на окраинах бахает так, как люди уже отвыкли. Мы в центре, у нас пока не слышно.

Завтра Иверская, хотим попасть на службу.

Причастие

Встали в рань раннюю, закутались в самое тёплое («Учти, – сказала Марина, – стоять придётся почти на улице, а там взлётка, ветра страшные!») и стали вызывать такси. Честно предупредили диспетчера, что ехать надо в Иверский женский монастырь. Почти на передовую.

Первый таксист позвонил и долго допытывался, знаем ли мы, где это, зачем нам туда надо и не журналисты ли мы.

– Ну, пусть журналисты! – утомлённо ответила Марина.

Таксист долго мялся, потом сказал, что нам перезвонят, и пропал. На новый звонок диспетчер сообщила: сейчас пришлют другого, а этот отказался, несмотря на уговоры, что сейчас в районе аэропорта тихо.

Второй оказался рубахой-парнем: таксовал даже во время войны во всех районах.

– Я на животных смотрю. Только заметались – значит, пора делать ноги. Однажды так попал возле шиномонтажки – колесо спустило. А там ни работников, ни хозяев. И обстрел! Кое-как выбрался. И вроде страха нет, а руки трясутся. Вот мост был совсем разрушен, отстроили, залатали. Видишь, какой бордюр? Он новый, недавно установили.

Бордюр обкусан и покрошен, как печенье. Асфальт в круглых заплатках.

Частный сектор за мостом похож на громадную свалку: старые и новые дома одинаково разбиты, дырявые заваленные заборы, перекошенные кровли, обгоревшее железо и дерево лежит вповалку и вперемешку. Люди только-только сюда возвращаются. Стаи брошенных собак пасутся у обочины. Бегут к машине с умильными мордами. Кошек давно нет.

– Собаки их поели. А кто кормить будет? Правда, я привозил сюда женщину, она им большую кастрюлю варева скармливала. Ты гляди, дорогу расчистили! А то деревья поперёк лежали.

На повороте к монастырю таксист выключает навигатор. По навигатору с той стороны фронта может прилететь мина.

В широком жёлтом поле застыли позвоночники и рёбра зданий. Рядом с дорогой из высокой травы выглядывает крест, потом памятник из гранита, и вдруг я понимаю, что это не поле, это кладбище: разбитое и разбомблённое.

– Тут заминировано, – предупреждает Марина, – и растяжки стоят. Ходим только по дороге!

Я киваю.

Здания вдали – это монастырь. Церковь иссечена осколками, деревянная трапезная сгорела, келейный корпус изуродован. Какие-то подсобные помещения разрушены бомбёжкой, и возле них застыла клумбочка с розами.

Сестры расселены по разным частям города, но каждый день приезжают в разорённую обитель и потихоньку её восстанавливают. Возле теплушки с дровяным отоплением – кладка собранных кирпичей. На сохранившемся куске забора надпись:

«Стыдно воровать в разрушенном женском монастыре!!!»

Небольшой храм Иверской иконы Божьей Матери до отказа забит бабульками. Детей двое или трое, один младенец покрикивает на руках у матери. Мужчин примерно столько же, один даже не снял шапку, а я, кажется, впервые в жизни рада, что родилась девочкой и можно

не обнажать голову: в воздухе царит утренняя минусовая температура, и ветер, летящий сквозь пробоины в полуметровых стенах храма, заставляет прихожан теснее жаться друг к другу.

Праздничную службу вёл архиепископ Макеевский Варнава, он прибыл сразу за нами и благословил, проходя мимо. Потом мимо прошла тонкая монахиня с юным лицом и золотым настоятельским крестом на шее.

– Это что – игуменья? – удивилась я.

Марина кивнула.

Под железным скелетом купола положили новые доски, и служба идёт не под совсем открытым небом. Полностью обнажён алтарь, царские врата вынесло взрывами, кое-где на обглоданных колоннах сохранился красивый бесцветный орнамент. Фрески под потолком были написаны то ли на ткани, то ли на ином покрытии стен, и сейчас, оторванная с верхнего угла, ткань упала к своему подолу и скрыла рисунок от посторонних глаз, и ангел рядом тянется помочь, но не умеет, и никакой муки бессилия нет на его лице. Всё в руках Божьих.

Внизу к листу ДСП прикручена расстрелянная икона Иверской.

Холодно, невероятно холодно, от дыхания священников и прихожан вверх поднимается пар, его тут же сносит воющим ветром.

Когда клирос запекает «Иже херувиме», на меня сквозь пробоину в стене падает солнечный луч. Подставляю ему обледеневший нос и тут же начинаю хлюпать. Хлюпают все вокруг. Холодно, очень холодно. Поминутно открывается входная дверь, и ветер врывается в толпу, скользит между пуховиками и пальто, остужает ноги.

Я не готовилась, но батюшка разрешил причаститься, и я понимаю, что не уйду из этого истерзанного храма, даже если завоюет не ветер, а железо. И служба не прекратится.

Причащают из двух чаш, а теплоту дают горячей, и я беру её дважды, чтобы согреться. Оказывается, расстрелянная икона прежде хранилась в библиотеке, а под обстрел попала при переезде. После этого её определили на построй в разрушенный, но живущий храм.

На Крестный ход мы не идём, а идём на кладбище с местным поэтом Павлом Ивановичем. Знакомиться с его родственниками. Вчера он читал мне свои военные стихи, и я сказала, что в них много злобы.

– Пойдёмте, я покажу, что они сделали с надгробиями, поймёшь, откуда злоба!

С дорожки он сходит в траву, и на испуганный окрик Марины отвечает, что всё тут излазал, конкретно на этой стёжке мин нет.

– Они в мае прямо на дороге лежали – не пройти. А сейчас-то что...

Сослепу путаюсь в проволоке-ограждении и внезапной волной понимаю: хорошо, что не растяжка. Гранитные надгробия разбиты на куски и собраны в кучу, некоторые покойники глядят половиной лица, от других ничего не осталось над землёй. – Видишь вышку?

Вдали торчит нечто покорёженное и страшное. – Это аэропорт, диспетчерская вышка. Там снайпер сидел, он и по кладбищу тоже стрелял, по похоронным процессиям.

Я не спрашиваю, зачем. Этот вопрос не имеет здесь ответа. Кусок брусчатки качается под ногой, я делаю несколько шагов в сторону и получаю вопль в спину:

– Вернись!

– Не надо никуда отходить, – быстро говорит Марина. – Тут бывало, и под брусчатку мины закладывали, подрывались люди.

Осторожно обхожу качающийся кусок. Вдали падают бетонные плиты или сваи вколачивают в землю по горло.

Марина смотрит на меня:

– Слышишь? Началось.

– У них перемирие до трёх. Обещали не стрелять по монастырю, – уточняет Павел Иванович.

Уже половина первого. С неба жарит такое яркое солнце, что даже ветер не мешает нам согреться. Возле храма прихожанам раздают ватрушки. Вкусные. С крыльца спускается архиепископ, и мы снова попадаем под благословение.

В последний раз служба здесь велась в мае, и тогда тоже договаривались о перемирии на полдня.

Павел Иванович приехал с братом на машине.

– Поедем, посмотрим хоть издали, – просит он, и брат соглашается проехать неподалёку от его разрушенного бомбёжкой дома.

Здесь трудно найти дом без осколочных ранений, и повсеместно – обвалившиеся кровли, дыры в стенах. Новые предвоенные дома похожи на истерзанных детей.

– Здесь воинская часть была. По казармам целили.

От казарм мало что осталось.

Брат Павла Ивановича подбросил нас до вокзала. Зеркальный фасад частично разбит, пластиковые навесы над перроном почти уничтожены. Выбиты стёкла в стареньких вагонах и тепловозах – экспонатах ж/д музея. Но стекла под ногами нет – дворники работают, несмотря ни на что. Всё аккуратно прибрано, и человек невнимательный мог бы не заметить городских травм.

Домой возвращаемся трамваем, он медленно тянется сквозь частный сектор, сквозь пустые склады-ангары с широкими дырами в крышах и заклеенными крест-накрест окнами, сквозь овраги с поваленными деревьями.

– Тут фазаны на дорогу выскакивают, – говорит Марина. – Однажды вышел из кустов и встал перед трамваем как ни в чём не бывало. Руки в боки. Водитель ему гудел-гудел, еле согнал.

– А окна заклеены, как в Великую Отечественную.

– Все заклеивали. Скотчем простым или бумажным. Тут же главное, чтобы осколки не полетели. Взрывом выбивало и стекло, и пластик. А если окна с обеих сторон? Встанешь в углу между стен, сумку к груди прижмёшь и ждёшь, пока не кончится. Представляешь?

Нет, я не представляю.

Через два часа позвонил Павел Иванович и сообщил, что перемирие закончилось. Опять стреляют.

Музейный день

Сегодня Марина читала лекции в институте, а потому сдала меня на попечение своему товарищу из министерства культуры, по совместительству прозаику и драматургу преклонных лет В.И.

Мы с ним пошли по музеям.

Сначала – в многострадальный Краеведческий, чьё здание на треть разбомбили представители антитеррористической операции. По иронии судьбы бомбы ложились точно на зал истории Украины. Сейчас это крыло восстановлено и перестроено, сделаны окна во всю стену, надстроен третий этаж. Новую кирпичную кладку видно: она идёт по диагонали от земли до крыши, опираясь на треугольник старой. Внешней отделкой пока не занимались, но есть предложения оставить эту стену в таком виде навсегда – на память о войне.

Нас заставляют сдать не только верхнюю одежду, но и сумки, и по залам ходим налегке.

От бомбёжек экспонаты пострадали сильно, и на обозрение выставлены – святая святых! – музейные фонды.

– Тут же раскопки проводили почти археологические! – объясняет В. И. – Волонтёры слой за слоем снимали, так всё перемешалось!

Первый зал посвящён знаменитым землякам, их много, начиная от Сергея Прокофьева (село Красное Донецкой области) и заканчивая космонавтом Береговым (Енакиево). А Леонид Быков и Иосиф Кобзон и вовсе в одной краматорской школе учились.

Экспонатов не то чтобы мало, а как-то невпопад: расставлены без выработанной годами логики. Видно, что работники музея очень не хотели прекращать работу хоть на время, а потому для общего начала поставили возле одной стены соху и вилы, манекены в дамских нарядах начала XX века, пролётку и костюм космонавта с борщом в тубике и гречневой кашей в пакете.

В других залах представлена посуда разных веков, фауна Донбасса и школьные годы чудесные – от кружевных манжет царских гимназий до кукол в пионерской форме.

– Я за такой партией сидел! Вот точно за такой! Только у нас крышка откидная была. Да ты, поди, такого и не помнишь!

Я тяжело вздыхаю, поскольку тоже сидела за такими партами, но в мой солидный возраст никто не верит.

– И вот такая люстра у нас была! – показывает В. И. на керосиновую люстру с зелёным абажуром, висящую над сценой семейного быта 50-х годов.

– Люстра пострадала, – говорит хранительница зала. – Треснула, кусок откололся, приклеили временно на скотч. Видите, где тень от крепления? Снаряд упал прямо перед порогом музея, нас ель защитила: высокая была, густая. А без неё неизвестно что бы тут было.

Это крыло стоит симметрично тому – разбомблённому, в тридцати метрах от него.

Сейчас от ели остался пенёк, у двух скифских каменных баб, стоящих рядом, откололись головы.

Внутренняя стена из тонкой, двухсантиметровой доски щедро чернеет сквозными дырками. Это рядом со входом, напротив бывшей ели. Выковыриваю из стены кусочек металла, похожий на обломок толстой проволоки. Он глубокой занозой вонзился под деревянную кожу. По кулацкой привычке засовываю в кошелёк, чтобы не потерять. Наверное, это осколок.

«Будешь сувениром!» – сообщаю ему.

На улице разыгралось солнце, весенний дымок горчит в горле. Мы идём к высокому берегу реки Кальмиус, к мемориалу ВОВ: высоким фигурам воина и шахтёра, к гранитным табличкам с именами погибших и выживших, к Вечному огню. Да, огонь горит. Он спрятан от порывистого берегового ветра в глубине мемориала. Вместе с нами к нему подходит юная парочка и стоит молча и серьёзно.

Сегодня санитарный день, устанавливают приезжую выставку «Нюрнбергский процесс», но мой спутник знаком с директором, и нас впускают без проблем.

Музей винтом уходит вниз, он немного похож на Минский, но не такой величественный.

Говорю об этом директору, и она вздыхает:

– Вот бы там побывать!

Я вообще люблю военные музеи, а этот почему-то вызывает во мне абсолютную симпатию. На территории Донецка существовало гетто и лагерь военнопленных, в шахту № 4/4-бис сбрасывали тела расстрелянных горожан. Инсталляция с макетом шахты, скрежет железа, жизнерадостные портреты мертвецов в воздухе. Из тысяч выжил только один: притворился мёртвым, а при падении уцепился за канат, по которому затем и выбрался наверх.

– А здесь у нас новейшая история. Портреты и личные вещи погибших защитников Донецка – удостоверение, складной нож, телефон с разбитым экраном, – макет сражения при Саур-могиле...

Я замираю: современная война внезапно обретает наглядность. Фигурки воинов лежат и стоят в разных местах, кажется, что их очень мало.

– Сейчас памятник разрушен, только сапог солдата стоит. И один из барельефов тоже уничтожен. А вот там, у ступенек, – могилы наших ребят. И вот там, где ели, – тоже. Мы соби-

раемся создать на Саур-могиле музейный комплекс, но сейчас это трудно: если история Великой Отечественной имеет какой-то угол освещения, то историческая справка по современности – материал неустоявшийся. Как делать музей – неясно.

Директор идёт дальше, открывает запертую дверь. Вдоль стены ровным рядом стоят круглые ржавые корпуса чего-то неприятного.

– Это то, что падало на город. Вот авиабомба, а это – снаряд от «Смерча». Там гильзы артиллерийских и противотанковых боеприпасов. Фрагмент мины. А вот знаменитые «Грады». Тот, дальний, был извлечён волонтёрами из крыши нашего Краеведческого музея. Не совсем разорвался. Принесли нам.

Авиабомба распустила корпус корявой розой, «Смерч» едва ли ниже меня ростом и внушает ужас даже в разоружённом состоянии. Ураганы, управляемые ракеты, фугаски, осветительный снаряд с оранжевым парашютом. Плотный столбик торчащей ежом толстой короткой проволоки. Такой же, какую я вытащила из стены Краеведческого. Это шрапнель. Не разлетевшаяся до конца. Она падала на жилые кварталы.

– А здесь письма с фронта.

– Этого?

– Нет, того.

Выцветшие треугольники, фотографии красноармейцев. Я не могу оторваться от выставленных снарядов современной войны.

И вот она – причина симпатии к музею: люди здесь не переписывают историю, они дописывают её современностью.

– Это только те снаряды, что не разорвались. И слава Богу!

Вечером едем на борщ к друзьям Марины. У них полугодовалая дочка Лиза, которая поначалу смотрит на нас с подозрением, а после начинает прыгать и радостно покрикивать. Ребёнок мгновенно отвлекает на себя внимание. Мы агукаем и корчим рожи, издаём какие-то звуки. Проходит час.

– Ой, что это мы всё о Лизе да о Лизе! – восклицает её молодая мама. – Давайте, что ли, о фашистах?

Да, терминология здесь вполне определённая. В ходу и «фашисты», и «нацики», и «укропы». От каждого второго я слышу: «Не забудем и не простим!»

Кусок шрапнели в моём кошельке мог попасть и в человека.

Ночью начинается обстрел Макеевки.

Саур-могила

– А вот и она.

– Где?

– Перед нами, далеко.

Я всё равно не могу различить её среди других размытых у горизонта гор – терриконов.

– Раньше издалека видно было по обелиску.

Машина такая стояла!..

Высота под названием Саур-могила – место жесточайших боёв в любую войну: отсюда весь район как на ладони. После Великой Отечественной, когда при штурме погибли тысячи наших солдат, на вершине установили обелиск и фигуру солдата с автоматом, а вдоль лестницы – четыре барельефа. Пехоте, артиллеристам, танкистам и ещё кому-то.

– Жаль, уже не узнать, кому... – вздыхает Маша.

Последний, ближайший к вершине барельеф полностью обвален в ходе недавних боёв.

– Исходя из логики – либо лётчикам, либо морякам. Моря у вас тут нет, значит...

Я три дня ныла Марине – выпрашивала поездку сюда. В эти места не доедешь запросто: сначала полтора часа на маршрутке до города Шахтёрска, потом полчаса своим транспортом по ответвлению от трассы. Мимо полей, танкового полигона, покалеченной обстрелами деревни Петровское.

Знакомая Марины из Шахтёрска – двадцатилетняя девочка Маша – везёт нас на машине. За рулём её муж Артём. Оба красивые и молодые. Оба воевали. Не здесь.

У подножья высотки небольшое кладбище: два ряда бойцов ДНР, ряд недавних могил со ржавыми советскими касками. Раскапывали новых – нашли старых, уже почти полностью безымянных, только три имени обозначены над десятью холмиками.

К дереву прибита доска с именами погибшего экипажа БМП-2 «Славянский гарнизон». Фотографии современников выцвели, кое-кто из них младше меня.

– Украинцы тоже тут похоронены или забрали? – Наверху есть общая могила, мне папа говорил, что там украинцы, – сообщает Маша. – А так, наверное, забрали многих.

Её папа был командиром.

– Их в бой бросали как мясо, – говорит Артём, – чуть ли не ротами, чтобы внимание отвлечь от самолётов, чтобы хоть кто-то пролетел. Наши сбивали самолёты, которые летели бомбить города. Ничего нет страшнее самолётной бомбёжки. Один гул чего стоит! Паника сразу!

Мы поднимаемся вверх по щербатым ступеням. День покрыт серыми туманными облаками, кое-где ярко сверкает голубое. Воздух свежий и сладкий. Почти нет ветра.

Жизнь – гениальный редактор – дорисовала то, что не посмел изобразить скульптор, ваявший барельефы. Стандартные лица и фигуры бойцов, идущих в бой, раненых и умирающих, стряхнули оцепенение, теперь они иссечены осколками, пробиты насковозь, и стекающая ржавчина похожа на кровь. Новая война оживила мёртвые изображения, и всё стало по-настоящему. Забетонированная боль живым потоком пролилась на землю, и крик пехоты летит над ней, и лязг железа не смолкает. Чем выше, тем страшнее, последний, рухнувший монумент придавил тела, вогнал их в землю, и лишь один воин силится выбраться из-под завала, и звериной силой дышит его окровавленное лицо.

– А не опасно ходить по траве? – на всякий случай спрашиваю я.

– Тут постоянно проводятся массовые мероприятия, перед ними проверяют. Снаряды давно убрали, но ради провокации могут и растяжку поставить.

Вверху ещё одно захоронение. Должно быть, недавнее, поскольку портреты не выцвели.

Золотая звезда Вечного огня, который не горит. Металлический каркас, похожий на кусок лодки, венчает лежащий обелиск.

– Слу-у-ушайте! – тянет Марина. – А ведь это смотровая площадка! Она была на обелиске, сверху... Ну да, вот люк для выхода, а это ограждение! «Какой бы дурак туда полез!» – ужасаюсь я.

Панически боюсь рукотворной высоты.

Слева облицовочный гранит лежит почти ровно, будто не падал с громады своего роста, а правая сторона искрошена, сквозь бетонные блоки прорвалась арматура, и высится над ней пустой сапог солдата, погребённого под завалами. В железные дыры голенища вдеты цветы.

– Сюда свадьбы так и ездят, как до войны, – говорит Маша.

На площадке – причудливо изогнутые металлические останки орудий.

– Зенитка, – говорит Артём.

– Само собой, – киваю я.

Обходим памятник вокруг, взбираемся на холм из обломков. Говорят, в ясные дни отсюда разглядишь клочок Азовского моря. Сейчас туманно, но видно далеко-далеко.

– Вот его рука, – кричит снизу Артём.

Под нагромождением бетона застыл кулак, сжимающий винтовку. От винтовки осталась ржавая планка, но и её не отпустила железная хватка. Я приседаю на колено и глажу ледяную руку мужественного человека, что навсегда исчез с лица земли. И Марина тоже её гладит.

– Его фигура летом была под завалом, было видно. Сейчас убрали.

– А кто его сбил? Украина?

– Украина, – кивает Артём. – Наши, конечно, тоже обстреливали, пока тут были украинцы, но быстро их вышибли. Сами заняли высоту и держали. И удержали! Обелиск в два захода падал: сначала одна половина, а через день – другая.

– Вот там, наверное, украинская могила! – показывает Маша. В стороне от обелиска стоят разрушенные здания кафешек, а рядом с ними ограда, на которой висят шахтёрская каска, трикотажный подшлемник, кожаные мужские митенки.

– Неужоженная, – вздыхает Артём, когда подходим вплотную, – травой заросла.

Ему жаль и тех, и этих.

Пока они с Мариной исследуют руины, я спрашиваю Машу:

– А правда, что ты воевала?

Маша отвечает односложно:

– Да.

– Кем?

– Помощником папы.

– А что делала?

– Что скажет, то и делала.

– И стрелять приходилось?

– Приходилось.

– Попадала?

– Попадала.

– Не снятся?

– Нет.

Я почти отчаиваюсь её разговорить, как вдруг она начинает рассказывать.

– Это не страшно, я думала, будет страшно, за психику беспокоилась, но как вспомнишь, КТО там и ЧТО они с нами сделали – и не страшно. Вот когда впервые взрыв увидела – мороз по коже. Папа заставил нас уехать на море, в Крым, а я назад рвалась: так хотелось домой...

Красивая черноволосая девушка, по-народному закутанная в тёплый цветастый платок.

– Держи! – Марина протягивает мне ржавую железку – осколок снаряда.

Потом подбирает кусок железа, отбитый взрывом от барельефа, и сообщает:

– Вот такое на людей падало.

Беру его в руки. Килограммов пять, не меньше.

Если по затылку, то насмерть.

Сходим вниз. Отсюда видно, что насыпи над барельефами проломлены, в полое нутро одного вонзился железный рельс.

У подножия – каменные плиты с именами погибших в Великую Отечественную.

– Сколько тут народу полегло, – говорит Артём. – И тогда. И теперь.

Имен много, некоторые из них выбиты взрывами. Их, дважды убитых, наверное, уже не вспомнить. Отдельным списком – пропавшие без вести.

– А ведь, возможно, кто-то из них и найден сейчас, и похоронен в новых могилах. Повезло.

Сегодня мы первыми приехали сюда, а теперь подтягивается народ. Вверх поднимаются двое мужчин и подросток, возле стоянки старой боевой техники и новых автомобилей – группа военных с автоматами и пластиковыми стаканчиками. У ног мечется ноющий таксёнок.

– Помянуть приехали, – предполагает Марина.

Через минуту военные запрыгивают в машину и уезжают.
Меня трясёт, и я курю одну сигарету за другой. Мне жутко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.